

Что касается военной подготовки, здесь всю помогали Сун Чжаньбяо, Ван Сицай и другие командиры Армии Уи, так что Лэй Чжэню блистать было особо негде.

К этому моменту его основные силы были прикованы мощным взрывом, который прогремел на недавно созданном оружейном заводе.

После ухода Дун Фухэ Лэй Чжэнь собрал вместе около двухсот оставшихся ключевых специалистов бывшего Бэйянского машиностроительного бюро и принялся обустривать примитивную производственную мастерскую. Раз уж машин не было, решили ковать железо кустарными методами. Возможно, условий для производства бездымного пороха у них не имелось, но изготовить чёрный порох (основными компонентами которого являются селитра, сера и древесный уголь) по старинке было вполне осуществимо.

Не уповая ни на небеса, ни на землю, во всём полагаться только на самих себя.

Эту фразу Лэй Чжэнь велел высечь на стене полуразрушенного Кайпинского оружейного завода. Он хотел, чтобы каждый помнил, как было сожжено Бэйянское машиностроительное бюро; если рабочие будут твердо держать это в уме, у них появится стимул двигаться вперёд.

— Бах!

Из глубин угольной шахты донесся оглушительный грохот.

Уши Лэй Чжэня едва не заложило. Если бы он не видел всё своими глазами и не слышал собственными ушами, ни за что бы не поверил, что кустарный пакет из чёрного пороха может обладать столь колоссальной разрушительной силой. Разумеется, изумлен был не он один — выражения лиц техников на Кайпинском оружейном заводе выглядели ничуть не лучше.

Хе-хе, мудрость народных масс поистине неисчерпана.

Бедность и разруха — не страшно. Страшно перед лицом трудностей проявлять трусость и бежать от них. Произнесенные Лэй Чжэнем на учредительном собрании Кайпинского оружейного завода слова быстро разнеслись повсюду: заморские черти смогли разрушить наше машиностроительное бюро, смогли уничтожить наши заводы, но им не под силу убить нашу веру в собственное возрождение.

Опираясь практически на полное отсутствие какого-либо оборудования, благодаря хвостовству Лэй Чжэня, обладавшего лишь поверхностными знаниями подобно какому-то шарлатану, техники машиностроительного бюро, чьи сердца пылали гневом, трудились целых одиннадцать дней и наконец разработали секретное оружие — связчатые заряды взрывчатки, одновременно примитивные и невероятно мощные.

В памяти Лэй Чжэня китайская армия в годы Войны сопротивления японским захватчикам полагалась именно на такие самодельные взрывпакеты, разнося в щепки вражеские броневики

и целые системы дотов. Раз уж перед глазами стоял столь живой пример, он, разумеется, без лишних церемоний применил чужой опыт на практике.

На дворе стояло 13 сентября 1900 года по григорианскому календарю.

На арену вышло первое боевое оружие, произведенное на Кайпинском оружейном заводе.

На праздничном собрании по случаю победы голос Лэй Чжэня звучал зычно, излучая абсолютную уверенность в победе.

Обращаясь к инженерам, техническим специалистам и рядовым рабочим оружейного завода, чьи глаза сияли отчаянной надеждой, он произнес пламенную речь:

— Все вы упорно трудились в последнее время, и я хочу сказать, что изобретение связчатых зарядов вдохновляет как нельзя лучше. Хотя у нас, в Китае, нет пушек заморских дьяволов, у нас есть головы и есть ум! А значит, пока мы держимся вместе, мы непременно изгоним заморских варваров и возродим наш Китай, мы обязательно вышвырнем всех заморских чертей вон из Китая!

— Изгоним заморских варваров, возродим наш Китай!

— Вышвырнем заморских чертей с нашей земли —! — люди повсюду скандировали с поднятыми руками, слившись в едином порыве в этот миг, в это время.

Пламенная агитация Лэй Чжэня мгновенно пробудила национальное самосознание техников и рабочих. Тяжелые условия и скудное оборудование не смогли погасить их энтузиазм, и можно было не сомневаться, что в грядущие дни эти первопроходцы китайской оборонной промышленности своими собственными руками сотворят одно чудо за другим.

Чудеса создаются людьми.

После изобретения связчатых зарядов на оружейном заводе у Лэй Чжэня появилось еще больше оснований верить, что находящиеся под его началом закаленные бойцы преподнесут ему немало новых сюрпризов.

Быть может, в недалеком будущем будут поочередно изобретены такие диковинные вещи, как земляные мины, громовые пушки, арбузные снаряды — со странными названиями, но такие полезные, что враги не забудут их до конца своих дней. Если настанет такой день, Лэй Чжэнь будет улыбаться до ушей.

Впрочем, если говорить о чудесах, то разве дело ограничивалось одним лишь Кайпинским оружейным заводом? С течением времени сам Лэй Чжэнь и его подвиги начали обрастать легендами и распространяться повсюду.

Слухи о том, как бомбы заморских чертей превращались в пустышки при встрече с ним, как он убивал по одному японцу каждым выстрелом, как вел в бой изолированный отряд, прорывая окружение — все эти пережитые им приключения, которые уже почти стерлись из памяти, вновь были вытащены на свет божий «любителями посудачить». Пройдя через многократную огранку и переработку, они быстро превратились в легендарные сказания, пересказываемые на шахтерских дорожках и в переулках.

Особенно те горняки и их семьи, кому подняли жалование и перепало хоть крошечное благо, без усталы превозносили доброту Лэй Чжэня.

Кто такой герой? В глазах этих простых кайпинских шахтеров, не имевших ни малейшего понятия о том, что творится за пределами их краев, Лэй Чжэнь, который привел людей и захватил здание Управления горного дела, а затем в кратчайшие сроки навел идеальный порядок в угольных копиях — столь головокружительные подвиги были по плечу лишь истинному герою.

Подвиги героя разнеслись по всему городку Кайпин.

В школе святого Фаланциска, расположенной к востоку от здания Управления горного дела, звонко раздавались голоса читающих книги детей. С давних пор здесь размещалось основанное церковью учебное заведение западного образца, где учились преимущественно дети владельцев небольших частных шахт из окрестностей Кайпина, а также семьи западных инженеров и техников, нанятых на Кайланьские угольные копи.

Однако после того как правительство Цин испортило отношения с Альянсом восьми держав, все тамошние чужеземцы бежали в концессию Цзичжулинь на территории Тяньцзиня, оставив после себя лишь пустующие школьные здания, заросшие сорняками.

Положение изменилось лишь после возвращения Лэй Чжэня из Пекина. Тайком распродав несколько антикварных вещиц, привезенных из Ихэюаня, Лэй Чжэнь собрал первоначальную сумму на открытие школы. Ученики уже были на месте, учителям тоже не нужно было искать замену: среди людей из машиностроительного бюро нашлось несколько человек, хлебнувших западного образования, и если бы они взяли на себя преподавание по совместительству, это стало бы выгодой для всех.

Конечно, техники все же не были профессиональными преподавателями, и содержание их уроков отличалось пестротой. Например, в последнее время главной темой для обсуждения на занятиях стали именно слухи о подвигах Лэй Чжэня.

Ученики высказывали сомнения, а учителя приводили примеры в доказательство.

Особенно жаркими и поистине захватывающими получались споры о том, кого именно следует называть героем.

Ведущая этой дискуссии была хорошо знакома Лэй Чжэню — это Цю Цзинь, последовавшая за ним всю дорогу из столицы. Наглядно увидев стремительно меняющийся облик Кайпина, Цю Цзинь, несмотря на возражения Ван Тинцзюня, решила остаться в школе святого Фаланциска в качестве преподавателя.

Ван Тинцзюнь, естественно, испытывал крайнее недовольство подобным «неподобающим для женщины» поведением Цю Цзинь, но Кайпин — это вам не Пекин, здесь всем заправлял Лэй Чжэнь. Ван Тинцзюнь к тому моменту уже был до смерти напуган Лэй Чжэнем: ему и в страшном сне не могло присниться, что разбойники, ограбившие Министерство финансов, посмеют столь нагло объявить себя хозяевами целого края.

Поняв, что уговорить Цю Цзинь невозможно, Ван Тинцзюнь был вынужден с мрачным видом увезти сына Ван Дэюаня обратно в родной Шэньчун. Лэй Чжэнь не стал чинить препятствий его отъезду: каким бы ничтожным ни был Ван Тинцзюнь, он все же оставался мужем Цю Цзинь, и постороннему человеку вроде Лэй Чжэня не стоило соваться в их семейные дела.

К тому же Лэй Чжэнь не особо опасался, что Ван Тинцзюнь расколет весть об ограблении Министерства финансов. Он мог с чистой совестью заявить о своей невиновности, свалив все подозрения на заморских дьяволов и ихэтуаней. Прикрываясь этими двумя мощными щитами, кого ему было бояться?

Каких же результатов можно было ожидать от пребывания в школе Цю Цзинь — этой грозной амазонки в рядах революционной армии?

Лэй Чжэню даже не требовалось гадать, чтобы все понять.

Глава тридцатая: Герои и разбойники

— Герой — это тот, кто, обнажив меч, поднимается на спасение народа из пучины бедствий! Человек, который сражается, не склоняя головы перед сильными мира сего — вот кто зовется героем! Тот, кто встречает клинок палача с беззаботной улыбкой — зовется героем! —

— Церемониальный министр Не пролил кровь на поле брани, сражаясь с заморскими варварами, и вполне достоин называться героем! —

— Наставник Лэй по призыву в смертный час повел в прорыв изолированный отряд и тоже заслуживает звания героя! —

.....

Подобные дебаты приводили в восторг юношей и девушек шестнадцати-семнадцати лет, переживавших бурный возраст взросления. Однако в этом мире ничто не бывает абсолютным, поскольку находились и те, кому такие разговоры пришлись не по душе.

На синих каменных ступенях у церковной колокольницы пятая великая княгиня из Резиденции князя Дуаня, Юйци, теребила подол своего платья в зеленую крапинку. Опустив прелестную головку и наморщив прелестный носик, она сердилась на ползущего по земле муравья.

Из классов доносились звонкие голоса, но сегодня Юйци вовсе не горела желанием присоединиться к остальным. Ведь героям всегда противопоставлялись трусы, а самым частым именем в сегодняшних обсуждениях одноклассников было имя ее собственного отца — князя Дуаня Цзай И, не говоря уже о Старой будде, внушавшей ей некогда благоговейный трепет.

— Хм, поганый муравей, почему ты меня игнорируешь, почему ты меня игнорируешь! — Юйци с досадой топала ножкой, непрерывно бормоча что-то себе под нос.

Более полумесяца назад, когда процессия Лэй Чжэня прибыла в городок Кайпин, к Юйци поначалу относились как к особой персоне в силу ее императорского происхождения: ей не позволяли делать никакой работы или хлопот. Расчет Лэй Чжэня был прост: раз уж в Пекине заморские черти устраивают резню, отправить ее обратно никак нельзя — лучше приютить эту высокородную девчущку у себя, а когда улягутся бои, переправить ее к князю Дуаню.

Великая Цин была тяжело больна, а противоречия между маньчжурами и ханьцами становились все острее, из-за чего с самого своего появления Юйци оказалась в эпицентре всеобщих споров. Удовольствия в этом было мало.

К тому же от природы Юйци отличался живым нравом, и не просидев в безделье и двух дней, она заскучала. Девушка принялась расхаживать по всему Кайпину. С ее статусом, при особом покровительстве Лэй Чжэня и охране телохранителей, разумеется, никто не смел ей препятствовать.

В тот день Юйци случайно заббрела к воротам школы святого Фаланциска. Услышав доносившееся оттуда громкое чтение книг, она тут же оказалась зачарована. По сравнению с открытыми методиками обучения в западных школах, традиционная китайская зубрежка в частных школах, где один наставник вел трех-четыре учеников, казалась невероятно унылой.

Очарованная открывшимся ей новым миром, Юйци не могла сдвинуться с места. А когда она обнаружила, что мадам Цю Цзинь, прибывшая вместе с ними в Кайпин, преподает в этой школе, девушка вспылала сильнейшим интересом к столь передовым методам обучения и безотлагательно обратилась к Лэй Чжэню с просьбой о зачислении.

Лэй Чжэнь не стал отказывать ей, потому что прекрасно понимал: лишь по-настоящему открыв глаза, можно разглядеть этот мир.

Чтобы Китай стал богатым и сильным, необходимо пробудить каждого китайца — будь то маньчжур, ханьцзы или представитель любого другого народа: монголов, чжурчжэней, корейцев. Нужно заставить их взглянуть правде в глаза: признать собственные недостатки, свою отсталость и глубину пропасти между ними и остальным миром. Только так у Китая появится будущее.

Пусть Юйци и была княгиней, но прежде всего она оставалась китайкой.

У нее было право учиться и право заниматься тем, что ей нравится.

— Юйци, с кем это ты разговариваешь, скоро урок начнется! — донесся издали голос молодого человека в западном костюме с отложными лацканами и бахромой на брюках, который махал ей рукой и звал ее.

— Учитель Чэнь, я сейчас вернусь в класс, — Юйци обернулась и улыбнулась в ответ, двигаясь легко, словно порхающая бабочка. В ней ярко проступала свойственная юности девичья свежесть и энергия.

Кайпин был всего лишь маленьким городком, где не водилось высокопоставленных сановников, и на фоне местных скромных девушек врожденная утонченность и благородство Юйци казались совершенно уникальными.

Глядя, как силуэт Юйци скрывается за дверью класса, учитель по имени Чэнь Циньшоу наконец пришел в себя. На его лице проступило выражение радости: ученица, которую называли цветком святого Фаланциска, улыбнулась ему!

Чэнь Циньшоу не был техником с оружейного завода; изначально он трудился волонтером (христианином) в этой церковной школе. Именно таких людей столичная знать во главе с Цзай И презрительно называла «двухшкурниками». Когда начались беспорядки, иностранцы разбежались, богатые новообращенные тоже сбежали, и лишь бедняки вроде Чэнь Циньшоу были вынуждены остаться на месте.

К счастью, ихэтуани в Кайпине бесчинствовали не так свирепо, как в Тяньцзине, и Чэнь Циньшоу удалось сохранить жизнь. Когда Лэй Чжэнь возобновил работу школы, из-за острой нехватки преподавательских кадров человек с некоторым образованием вроде Чэнь Циньшоу вполне закономерно пополнил ряды учителей.

В отличие от техников, которые на собственной шкуре ощутили таланты Лэй Чжэня и в глубине души уже преклонялись перед ним как перед героем, Чэнь Циньшоу принял крещение из рук священника. В его сердце самым священным божеством был Христос, апостол Бога, принявшего на себя крест.

— Я дитя Божье, и сам Господь послал меня наставлять невежественное человечество, аминь, — бормотал Чэнь Циньшоу, на его лице блуждала загадочная улыбка.

— Хлоп! — внезапно тяжелая лапища опустилась ему на плечо.

— Ай! — Чэнь Циньшоу не удержался от стога, чувствуя, что его ключица едва не треснула. Что за наглец посреди бела дня распускает руки!

— Уж не учитель ли это — Чэнь Свинопас? У меня есть разговор к тебе! — произнес обладатель густой бороды и мощного, крепкого телосложения. Этим человеком оказался никто иной, как Сун Чжаньбяо.

О чем именно Сун Чжаньбяо беседовал с Чэнь Циньшоу, помимо них двоих, никто не ведал. Однако можно было заметить одну деталь: когда Чэнь Циньшоу уходил, его нос выглядел слегка свернутым набок, а на щеках не успели засохнуть несколько капель крови.

Кроме того, после этого разговора отношение учителя Чэнь Циньшоу к Юйци изменилось на сто восемьдесят градусов. Прежняя чрезмерная услужливость сменилась отчуждением за версту, или, если выразаться точнее, он стал шарахаться от нее, как от ядовитой змеи.

Сама Юйци вовсе не заметила происходивших вокруг нее перемен. Ведь в последние дни наша юная красавица-княгиня была близка к помешательству от бесконечных разговоров о надоевших героических легендах.

С тех пор как она прибыла в Кайпин, на сердце у пятой великой княгини из Резиденции князя Дуаня царил пустота. До нее дошли слухи о разграблении Пекина заморскими дьяволами. Прежде Лэй Чжэнь казался ей законченным злодеем и разбойником, но внезапно в одно прекрасное утро этот мужчина превратился в ее спасителя — не будь его, ее собственной жизни, пожалуй, уже не существовало бы.

Контраст был настолько разительным, что Юйци порой до смерти хотелось схватить ружье, помчаться обратно в пекин и насмерть сразиться с этими бессовестными заморскими дьяволами.

Не обладай она опытом последних дней, Юйци, пожалуй, и вправду совершила бы подобное. Но теперь у нее не было прежней уверенности. Выяснилось, что слова ее отца, князя Дуаня, и второго браца Пу Цзюня о бумажных пушках заморских чертей — полная чушь, которой нельзя верить. Равно как и пустые басни заклинателей ихэтуаней, кричавших о своей неуязвимости для клинков и пуль перед зажженными талисманами.

.....

Мысли Юйци путались.

Глава тридцать первая: Нечисть и демоны

Человеческие чувства порой невероятно трудно выразить одной-двумя фразами.

В эти дни Юйци не только тревожилась о безопасности своего амы, братьев и сестер в столице, ее сердце также изнывало от обиды из-за равнодушия Лэй Чжэня.

До Лэй Чжэня еще никто и никогда не обращался с ней — княгиней — столь грубо,

бесцеремонно и пренебрежительно. Да, она княгиня, принцесса из Резиденции князя Дуаня, окруженная всевозможной заботой и любовью. Долгое время она считала само собой разумеющимся, что все блага, которыми она пользуется, ей причитаются по праву, и что все окружающие обязаны относиться к ней с трепетом, как Налань Сяо.

Но теперь она внезапно обнаружила, что все изменилось.

В Кайпине почти никто не знал, что она княгиня, а те, кто знал о ее происхождении, почему-то не ставили ее ни во грош. Иногда Юйци казалось, что она люто ненавидела этого разбойника Лэй Чжэня, но порой она ловила себя на мысли, что от одних воспоминаний о нем у нее в груди все сжималось от боли.

Возможно, именно поэтому она вымещала злость на том самом безобидном муравье.

— Что со мной происходит? — Юйци охватило смутное беспокойство. Ей ведь исполнилось всего шестнадцать, и проведя больше десятка лет взаперти в княжеской резиденции, кроме избалованных принцев, умеющих лишь гонять собак и лошадей, она не встречала ни единого молодого человека, который, подобно Лэй Чжэню, вызывал бы у нее и жгучую злость, и зудящее томление в сердце.

Самое обидное и смешное заключалось в том, что сам виновник этой безответной любви, разбойник Лэй Чжэнь, не ведал о ней ни малейшего малейшего понятия. С момента попадания в эту многострадальную эпоху Лэй Чжэнь все свои помыслы сосредоточил на планировании борьбы за выживание и усиление страны, а о сердечных делах и вовсе не помышлял.

Если говорить о причинах, почему он тогда разрешил Юйци отправиться в Кайпин вместе со всеми, то заключались они исключительно в том, что он не мог вынести мысль о гибели столь юной, цветущей жизни от рук заморских дьяволов.

Противостояние маньчжуров и ханьцев длилось уже несколько веков, и кто мог распутать этот клубок взаимных обид? Но как бы то ни было, Юйци тоже оставалась китайкой, которая была куда ближе ему, чем златокудрые и голубоглазые дьяволы.

Привязывать личную жизнь человека к политике — дело донельзя печальное, но порой люди оказываются бессильны перед лицом обстоятельств.

На самом деле Лэй Чжэнь с самого начала исключил Юйци из круга возможных возлюбленных. Для попаданца, который твердо вознамерился свергнуть прогнившую династию Цин, маньчжурская имперская княгиня никак не подходила на роль дамы сердца. Отношения между революционером и принцессой маньчжурской крови неизбежно оказались бы слишком запутанными.

Даже если в будущем Юйци отречется от своего титула, ее кровь все равно останется кровью маньчжурской императорской семьи. При наличии столь непреодолимой преграды любители

посудачать не преминули бы затеять смуту.

Разве только Юйци перестанет быть собой и полностью превратится в другого человека — но разве такое возможно?

Помимо вышеперечисленного, существовала и самая главная причина, почему Юйци не смогла стать избранницей Лэй Чжэня: он уже повстречал другую женщину — ослепительную, источающую неизъяснимое очарование Цю Цзинь.

Цю Цзинь уже была замужем и воспитывала детей.

Но ничто из этого не могло затмить ее уникальную, острую как клинок натуру. Она была именно той героиней среди женщин, чьей воле и стремлениям поклонялся Лэй Чжэнь — представительницей прекрасного пола, готовой без колебаний пролить кровь за свои идеалы.

Минувшие страницы истории вставали перед глазами одна за другой.

Уважение к Цю Цзинь уже давно поселилось в сердце Лэй Чжэня. Ее неповторимая сила духа притягивала его, заставляя помимо воли при каждой свободной возможности заглядывать в школу святого Фаланциска — просто пройтись, оглядеться, послушать.

Благородный муж держится прямо и открыто.

Увы, равнодушие Лэй Чжэня к Юйци вовсе не означало, что остальные разделяли его точку зрения. Взять хотя бы такого грубияна, как Сун Чжаньбяо: тот дни напролет ломал голову над тем, как бы поудачнее свести эту парочку.

— Эх, хоть эта княгиня и отличается излишне строптивым нравом, в пару к наставнику она подходит идеально! Если я, старина Сун, не стану для них сватом, кому еще это делать?! —

широко рассуждал про себя Сун Чжаньбяо, действуя на свое усмотрение.

Поэтому, услышав от телохранителя Юйци, что какой-то тип вечно вьется вокруг нее и оказывает знаки внимания, Сун Чжаньбяо тут же потерял покой.

Пока Сун Чжаньбяо забивал себе голову хлопотами о личной жизни Лэй Чжэня, чем же занимался сам наставник Лэй?

У Лэй Чжэня, в отличие от Сун Чжаньбяо, не было столь праздного настроения, чтобы переживать о сердечных делах молодежи. Какой может быть дом и очаг, пока не повержены гунны? Громкая клятва, некогда брошенная Хо Цюйбином, все еще звучала в его ушах. По мнению Лэй Чжэня, прежде чем обзаводиться семьей и обустраивать быт, следовало сперва

сокрушить прогнивший маньчжурский режим.

Развитие военных событий заставляло его остро чувствовать нехватку времени. С юга приходили новости о мирных переговорах: 15 сентября императрица Цыси, бежавшая из Пекина ровно месяц назад, вновь направила телеграмму Ли Хунчжану, подгоняя его немедленно прибыть на север для переговоров. Вскоре после этого Ли Хунчжан, решив, что момент для переговоров созрел, сел на пароход и спустя три дня прибыл в Тяньцзинь.

<http://bllate.org/book/21116/2142726>